

Наполеон и теория общественного договора Руссо

А.А. Кротов

В статье анализируется влияние политической концепции Руссо на мировосприятие Наполеона. В юности, в период несения гарнизонной службы в Валансе, он в наброске истории Корсики опирается на теорию общественного договора, затем отстаивает ее в полемике с А.-Ж. Рустаном. В 1791 г. Наполеон, не отвергая теории женеваца, высказывает критические замечания в адрес его учения о естественном человеке. К моменту прихода к власти для Наполеона теория общественного договора Руссо уже перестала быть вдохновляющим мировоззренческим ориентиром. Тем не менее влияние отдельных теоретических установок руссоизма на образ мыслей Наполеона можно проследить и в период расцвета его политической деятельности, прежде всего, в идее всенародного референдума как способа легитимации изменений в системе правления. Подписание Конкордата также возможно истолковать как своеобразную реализацию идеи Руссо о социальной необходимости религии. Своеобразное преломление концепции «сердца» знаменитого просветителя в мышлении Наполеона можно обнаружить как в эпоху революции, так и в период империи. Отказывая социальной философии Руссо в праве на будущее, Наполеон все же продолжает оперировать отдельными его концептами, находить опору в некоторых его идеях, без колебаний используя их в политических целях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Руссо, Наполеон, теория общественного договора, философия Просвещения, история французской философии.

КРОТОВ Артем Александрович – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет, Москва, 119991, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.

Доктор философских наук, профессор философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

krotov@philos.msu.ru

Статья поступила в редакцию 27 февраля 2019 г.

Цитирование: *Кротов А.А.* Наполеон и теория общественного договора Руссо // *Вопросы философии. 2019. № 6. С. 177–186.*

Наследие Руссо историки философии как правило рассматривают в качестве одного из наиболее важных элементов, составляющих интеллектуальные истоки Великой французской революции. Но его значение не ограничивается только одним аспектом. Влияние руссоизма многообразно и довольно значительно не только на протяжении XVIII в. Оно проявляется и в XIX в., охватывая такие, казалось бы, далекие друг от друга феномены, как, например, спиритуализм (Мен де Биран) и французский романтизм. Немаловажную роль идеи Руссо сыграли и в становлении мировосприятия Наполеона. Обращение к этой теме неизбежно затрагивает более общую проблему, касающуюся взаимосвязи философии с историческими событиями рубежа XVIII–XIX вв.

В январе 1803 г. Наполеон в беседе с Редерером упомянул, что «Юлия, или Новая Элоиза» Руссо была им прочитана в девятилетнем возрасте. Он отметил: это произве-

дение «...навсегда останется книгой молодых людей... оно мне вскружило голову» [Roederer, 1942, 95]. Если память не подвела первого консула, знакомство с романом Руссо, вероятнее всего, относится ко времени его пребывания в школе Отена, либо же к первым месяцам обучения в королевской военной школе в Бриенне. Учитывая то обстоятельство, что главной задачей пребывания в Отене для Наполеона было совершенствование знания французского языка, можно предположить, что прежде он вряд ли «проглатывал» очень объемные тексты классиков XVIII в. Скорее всего, именно «Юлия» была первым сочинением знаменитого просветителя, которое он прочитал. Когда будущий император начинает гарнизонную службу в Валансе, уже первые его юношеские наброски обнаруживают детальное знакомство с философским трактатом Руссо. В апреле 1786 г. Наполеон пишет небольшой текст, посвященный истории Корсики. Он ставит на обсуждение вопрос о степени правомочности вооруженной борьбы корсиканцев против господства генуэзцев, которая разгорелась в 1729 г. В своих размышлениях он опирается на теорию общественного договора Руссо. Корсиканцы, по его взгляд, были «унижены более, чем животные» угнетателями в эти «несчастливые времена». Но они оказались способны вдохновляться столь же возвышенным патриотизмом, как и древние римляне. Приверженцы предрассудков заявляют о недопустимости мятежа против «суверена», видят в этом противоречие установленным самим Богом порядкам. Наполеон считает подобный способ рассуждения абсурдным. Ведь если божественное право всегда охраняет человека, располагающего верховной властью, то оно должно быть на стороне «ловкого убийцы», сразившего законного монарха. Но оно же осуждает на казнь того, чья попытка свергнуть властителя не удалась. Выходит, божественное право должно по-разному трактовать один и тот же поступок в зависимости от его успешности. Такая непоследовательность, по мысли Наполеона, не может быть свойственна высшему праву. «Не говорите мне, что он будет наказан в ином мире... закон всегда независим от успеха преступления, которое он осуждает» [Napoléon 2001 I, 40]. По отношению к человеческим законам корсиканец предлагает рассмотреть дилемму: либо они устанавливаются народом, либо государем. Если законы принял народ, правитель в силу общественного договора не вправе их нарушать. Сам его суверенитет зиждется на их выполнении. Если же законы утвердил государь, то они в силу того же общественного договора должны иметь целью счастье и спокойствие подданных. Когда эта цель не выполняется, государь теряет право на верховную власть, а народ возвращается к естественному состоянию. Человеческое право, истолкованное в духе руссоизма, дает все основания для сопротивления гнету «узурпатора», пришедшего к власти.

Следуя Руссо, Наполеон говорит, что в своем «природном состоянии» люди не имели правительств. Появление политической власти он связывает со «взаимным договором», при котором каждый соглашается на перемену в своем существовании. Соединенные договором, все его участники обладают правом создания законов, суверенитет принадлежит народу. Затем власть переходит к небольшому собранию или отдельному лицу. Происходит это или из-за затруднительности регулярных общих собраний, или по «иной причине» (она так и остается в тексте не обозначенной). Но народ и после этого имеет право отменить любые законы, установленные правительством, причем независимо от существующей формы правления. В этом отношении народ продолжает оставаться сувереном.

Корсиканцы, заключает Наполеон, имели все основания сопротивляться генуэзской тирании, ибо на их стороне оказались «все законы справедливости». Сама природа общественного договора такова, что народ сохраняет право низвергать правителей, совершающих преступления. Генуэзцы лишили счастья добродетельный и мирный народ, вынудили многих покинуть родину. Между тем господство генуэзцев могло иметь законную силу, лишь поскольку носило конвенциональный характер. Соответственно, нарушение обязанностей одной из сторон упраздняет договор. Все приведенные суждения, как показывает заключительная мысль текста, необходимы Наполеону не столько для прояснения фактов истории, сколько для оценки современной ему политической ситуации. Он недвусмысленно настаивает на том, что

корсиканцы с точки зрения естественного права имеют все основания освободиться от власти угнетателей, независимо от того, идет ли речь о прошлом этапе их истории (Генуя), или нынешнем (Франция).

Корсиканский патриотизм получает особое преломление в наброске о суициде, написанном 3 мая 1786 г. В нем также ощущается влияние Руссо, даже стилистическое. «Всегда одинокий среди людей, я возвращаюсь, чтобы мечтать с самим собой и со всей живостью предаваться моей меланхолии» [Ibid., 45]. Такое начало заставляет вспомнить «Прогулки одинокого мечтателя»: «И вот я один на земле, без брата, без ближнего, без друга — без иного собеседника, кроме самого себя» [Руссо 1961 III, 571]. Продолжая размышлять, юный Бонапарт замечает, что «на заре своих дней» вполне может рассчитывать на долгую жизнь. Его волнует наполненность этой будущей жизни, ее смысл. В этом плане точка отсчета для него — многолетняя оторванность от родины. Но и сама родина лишена как счастья, так и свободы. Французы не только поработили корсиканцев, но и «развратили» их нравы. «Когда родины больше нет, хороший патриот должен умереть». Впрочем, присутствуют в наброске о суициде и общие рассуждения о человеке в руссоистском ключе. «Насколько люди далеки от природы! Как они слабы, презренны, раболепны!» [Napoléon 2001 I, 46]. Все подобные общие соображения так или иначе связываются в сознании автора с корсиканскими мотивами. Раболепство он видит, среди прочего, в том, что его соотечественники готовы со страхом целовать «угнетающую их руку». Людям за шестьдесят легко, полагает он, подчиняясь господствующему предрассудку, ждать естественного угасания сил. Но когда человек молод, осознает неизбежность смерти и лишен возвышенной жизненной цели в этом мире, прервать собственное бытие кажется оправданным.

Впоследствии Наполеон изменил свое мнение о суициде. Ранний текст, как полагают многие его биографы, написан «в минуту слабости». Действительно, об этом свидетельствует то, что уже через пять дней он с увлечением пишет работу в защиту идей Руссо, не помышляя об уходе из жизни. Более того, в период консульства (12 мая 1802 г.) он издает приказ по гвардии о суициде, в котором меланхолии противопоставляется смелость и обязанность следования долгу. «Гренадер Гобен покончил с собой из-за любви... солдат должен уметь побеждать боль и меланхолию страстей... Предаваться печали без сопротивления, убивать себя, чтобы избавляться от нее, значит покидать поле боя прежде, чем быть побежденным» [Napoléon 2001 III, 231].

Отметим, что после окончания парижской военной школы корсиканец вообще очень много читал в свободное время, причем интересы его были весьма разнообразны. Е.В. Тарле серьезное освоение Наполеоном философского наследия просветителей относит к периоду несения им гарнизонной службы в Валансе. «Больше всего его интересовали книги по военной истории, математике, географии, описания путешествий. Читал он и философов. Именно в эту пору он ознакомился с классиками просветительской литературы XVIII в. — Вольтером, Руссо, Даламбером, Мабли, Рейналем» [Тарле 2012, 15].

9 мая 1786 г. Наполеон приступил к развернутому анализу сочинения женеваского пастора Антуан-Жака Рустана «Защита христианства, рассмотренного с политической стороны, где отвечают, в частности, на восьмую главу четвертой книги Общественного договора» (1764). Книга, по-видимому, случайно попала ему в руки и вызвала желание немедленно высказаться в поддержку идей Руссо. Наполеон называет Рустана «добродетельным человеком», другом и соотечественником Руссо, объявляющим о своей чуждости предрассудкам, вдохновляемым высочайшей истиной. В рукописи высокая оценка дается личности пастора, но не его идеям. «Но нет, вероятно, не достаточно быть добродетельным и любить истину, чтобы бороться против Руссо» [Napoléon 2001 I, 50]. Наполеон отмечает, что должен вести речь не о какой-то второстепенной, частной идее просветителя, но об одном из главных разделов трактата «Об общественном договоре». Руссо отрицает полезность христианской религии для государства. Рустан вносит поправку: отсюда следует исключить протестантизм. Наполеон повторяет Руссо: «Все, что разрывает социальное единство, не стоит ничего». С целью опровержения позиции Рустана юный артиллерист предлагает довести

до завершения его аргументацию. Женевский пастор настаивает, что как христианство, так и светская власть ставят своей целью счастье людей, поэтому между ними не должно быть противоречия. Наполеон соглашается с мыслью о счастье как общей цели, но акцентирует внимание на различии средств. Если правительство призвано обеспечивать безопасность граждан, то христианство стремится внушить презрение к бедам здешнего мира. Две силы вдохновляются совсем разными установками. И когда государство будет в опасности, их действия будут различны, получат взаимоисключающие направления. «Вопрос, следовательно, решен. Христианство запрещает людям повиноваться всякому порядку, противоположному его законам, всякому несправедливому порядку, даже исходящему со стороны народа. Оно идет, следовательно, против первой статьи общественного соглашения, основы управления, так как оно заменяет своим частным доверием общую волю, составляющую суверенитет» [Ibid., 51]. В политике, согласно Бонапарту, необходимо просчитывать все нежелательные последствия. Когда слуги государства и религии – разные лица, единство страны под угрозой. Он ставит под сомнение правомочность религиозного «трибунала», позволяющего себе заключать о несправедливости общественного порядка, руководствуясь установленными им самим правилами. Ссылки на протестантизм не меняют главного: служитель культа, полагающий, что царство его – не от мира сего, не может быть хорошим гражданином. Ему чужды вопросы защиты свободы и родины. Священники стремятся деспотически господствовать над чужими умами. Бонапарт объявляет религию источником множества войн, затронувших «почти все королевства Европы». Обвиняя Рустана в непонимании Руссо, он добавляет, что вовсе не Евангелие – источник различных злоупотреблений, а политическая организация христианства. Отсюда итог: «Несмотря на ранг друга, который Вы присваиваете Руссо, Вы не созданы для чтения его произведений» [Ibid., 59]. Все основное сказано, но текст остается незавершенным. Наполеон не стремится к его публикации.

Юный артиллерийский офицер настолько увлечен идеями просветителя, что желает знать малейшие подробности его биографии. В письме книготорговцу Полю Барду (29 июля 1786 г.) он просит выслать ему «Мемуары мадам де Варанс и Клода Ане, служащие продолжением исповеди Ж.-Ж. Руссо». Этот сомнительный текст, приписываемый людям, упомянутым на страницах «Исповеди» (и вероятно, сочиненный братьями Дюппе), незадолго до того был опубликован в Шамбери. В том же письме Наполеон запрашивает сочинение о Корсике аббата Жермана [Napoléon 2004 I, 51]. По выражению Фредерика Массона, «Корсика и Руссо – вот весь Бонапарт 1786 года» [Masson 1895 I, 140].

Жак Годшо видит в Наполеоне 1786 г. романтика, многим обязанного чтению Руссо. Вместе с тем он подчеркивает: «Этот романтизм есть также следствие характера, темперамента, воспитания в суровом интернате, вдали от всякого контакта с родителями» [Godechot 1969, 101]. Жак Оливье Будон называет Бонапарта «хорошим учеником Руссо» [Boudon 2000, 79]. Жозе Кабанис не без иронии пишет, что Наполеон – «человек XVIII в., который так любил Руссо», – в эпоху империи повсюду преследовал «свободную мысль» [Cabanis 1994, 142]. Конечно, следует принимать во внимание эволюцию мировосприятия Наполеона. Согласно Артуру Шюке, ранний Наполеон обожествлял Руссо. «По его мнению, Руссо самый глубокий, самый пронизательный из философов; Руссо провел жизнь, изучая людей; Руссо раскрыл маленькие пружины великих дел; Руссо знал все» [Chiquet 1898, II, 15]. Луи Мадлен справедливо отмечает: Руссо оставался любимым автором Наполеона на протяжении целого десятилетия [Madelin 2003 I, 45].

Многие исследователи полагали несомненным, что восхищение личностью Руссо неотделимо от корсиканского патриотизма юного Бонапарта. Действительно, женевский гражданин в трактате «Об общественном договоре» предсказывал его родине славное будущее. «Есть еще в Европе страна, способная к восприятию законов: это остров Корсика. Мужеством и стойкостью, с каким этот славный народ вернул и отстоял свою свободу, он, безусловно, заслужил, чтобы какой-нибудь мудрый муж научил его, как ее сохранить. У меня есть смутное предчувствие, что когда-нибудь этот островок еще удивит Европу» [Руссо 1998, 240]. Кроме того, по просьбе одного

из корсиканцев Руссо работал над планом оптимального управления островом. Его рукописи, относящиеся к этому предмету, датируются 1765 г. Наполеон не мог их читать, поскольку их публикация относится к 1861 г., но он говорил братьям, что был знаком с направленностью проекта Руссо благодаря беседе с Рейналем, которому тот был известен. В проекте Руссо во многом продолжал линию рассуждений, намеченную в сочинении «Об общественном договоре». Он призывал жителей Корсики отбросить господствующие предрассудки, чтобы утвердить справедливое правление, благоприятное для политической свободы. «Корсиканский народ находится в счастливом состоянии, которое делает хорошее общественное установление возможным... Полный силы и здоровья, он может дать себе правление, которое будет поддерживать его крепким и здоровым... Корсиканцы не переняли еще пороков других народов, но они уже позаимствовали их предрассудки; эти предрассудки следует победить и уничтожить, чтобы создать хорошее общественное устройство» [Rousseau 2018, 60].

Фредерик Массон был убежден, что именно страстная любовь к Корсике пробудила у Наполеона интерес к идеям Руссо [Masson 1895 I, 139]. Анри Кальве также считал, что Наполеон обратился к чтению философских сочинений Руссо «...быть может, потому, что тот писал о Корсике» [Calvet 1969, 10]. Ф. Хейли полагал, что наряду с общими интеллектуальными веяниями эпохи восхищение юного Бонапарта творчеством Руссо находит объяснение в связях философа с Корсикой [Healey 1957, 12]. Жан Тюлар, характеризуя пребывание Наполеона в Валансе, замечает: «Его предпочитаемый автор Руссо, но именно Корсика привела его к писателю, поскольку тот интересовался его родным островом» [Tulard, 2006, 26]. Патрис Генифе, напротив, призывает не пытаться устанавливать прямую причинную связь там, где ее может и не быть. «Уверяют, что если он читал с увлечением сочинения Руссо и аббата Рейналя, то потому, что они поддерживали Паоли. Это означает вносить чрезмерную связность в рефлексию молодого человека» [Gueniffey, 2013, 81].

В сентябре 1786 г. Наполеон получает отпуск на Корсику. Как вспоминал его старший брат, в то время «...он был страстным поклонником Жан-Жака, тем, кого мы называем обитателем идеального мира, любителем шедевров Корнелия, Расина, Вольтера, которых мы декламировали ежедневно. Он собрал сочинения Плутарха, Платона, Цицерона, Корнелия Непота, Тита Ливия, Тацита, переведенные на французский, сочинения Монтеня, Монтескьё, Рейналя» [Bonaparte 1853–1854 I, 32–33]. Младший брат, Люсьен, характеризует собственное умонастроение, а также мировосприятие Жозефа и Наполеона накануне революции, подчеркивал значение философии в выборе ими жизненной позиции. «Философские идеи и революционное волнение, которые доминировали на континенте, бродили также в наших головах и никто не приветствовал более пылко, чем мы, зарю восемьдесят девятого года» [Bonaparte, 1836, 1, 12]. Руссо, как мы видим, далеко не единственный философ, идеи которого хорошо известны Бонапарту, но именно он — предпочитаемый.

Летом 1791 г. Наполеон перечитывает второе «Рассуждение» Руссо, сопровождая выписываемые цитаты критическими замечаниями. Перед нами уже не восторженный поклонник великого философа, ревностно отстаивающий все идеи своего духовного учителя. Он стал старше, события революционной эпохи получили своеобразное преломление в его мышлении. Он смело возражает былому кумиру: «Я так не думаю». Но эти возражения отнюдь не свидетельствуют о полном, радикальном интеллектуальном разрыве. Теория общественного договора не отброшена, корректируются ее отдельные положения, относящиеся к описанию естественного состояния человеческого рода. Просветитель считал единственным благом древнего человека пищу, половую связь и возможность отдыха, а злом — боль и голод. Он приписывает древним сознание свободы, а самыми развитыми способностями объявляет те, которые направлены к нападению и обороне. Бонапарт подчеркивает свое несогласие с этими суждениями. Равным образом он отрицает отсутствие у древних любознательности, предусмотрительности, неразвитость их воображения. Ставит под сомнение предположение, согласно которому древние люди, неожиданно столкнувшись в некоторое время проживая вместе, затем с паразитической легкостью покидали друг

друга. Отвергает мнение о том, что дикий человек был подвержен лишь немногим страстям, в своих блужданиях по лесам еще не пользовался словами, не имел привязанностей. «Я думаю, человек никогда не был скитающимся, изолированным, без связей, без потребности в ближних» [Napoléon 2001 II, 188]. Согласно Бонапарту, в «природном состоянии» древний человек точно так же опирался на ощущения и размышления, как это свойственно современным людям. Он настаивает, что принять иную трактовку означает исходить из предпосылки, что нет естественного разума, что чувства и рассудок представляют собой некие «плоды общества». Но ведь ощущение — «потребность сердца», предполагающая привязанность, любовь, дружбу. Без них нет ни счастья, ни добродетели. Сам Руссо, полагает он, не взялся бы это опровергать. В наброске не ставится под сомнение правомочность разграничения естественного и гражданского состояний человечества, проскальзывает тезис о том, что собственность предшествовала формированию системы политического правления. Бонапарт, таким образом, все еще находится под влиянием теории великого женева, но вместе с тем стремится избавиться ее от того, что казалось ему непоследовательностью, ошибочными ходами мысли.

Попытка бегства короля за границу дает повод Бонапарту зафиксировать свои республиканские симпатии в небольшом неоконченном тексте. Республика будет провозглашена только через год, в сентябре 1792 г., но юный офицер для себя уже бросил на весы все «за» и «против». «Я прочитал все речи ораторов-монархистов. В них я увидел большие усилия, направленные на защиту дурного дела. Они блуждают в утверждениях, которые не доказывают» [Ibid., 172]. В духе философов-просветителей он говорил, что решение о сравнительных достоинствах республиканского и монархического правления должно выноситься без предвзвешиваний. В этом случае, если бы у кого и оставались сомнения, они быстро бы рассеялись, если обратить внимание на клевету, оскорбления, угрозы в адрес республиканцев, сопровождаемые бездоказательными заверениями в невозможности республики во Франции. Сами приверженцы монархии приближают ее падение. Подобные суждения вполне проясняют портрет Бонапарта, представленный Жоржем Лефевром: «Успешный солдат, ученик философов, он ненавидел феодальный строй, гражданское неравенство, религиозную нетерпимость» [Lefebvre 1953, 69].

В августе 1791 г. он работал над сочинением, которое затем направил на конкурс, объявленный лионской академией. Речь шла об истинах и чувствах, которые желательны внушить людям для их счастья. Работа не заслужила похвал академиков. Впрочем, премия вообще не была присуждена никому из участников. В конкурсном сочинении Наполеон возвеличивает женева. «О Руссо, почему было необходимо, чтобы ты прожил только шестьдесят лет! В интересах добродетели ты должен был бы жить бессмертным» [Napoléon 2001 II, 216].

27 февраля 1792 г., находясь в очередном отпуске на Корсике, Бонапарт пишет, подразумевая современные ему политические коллизии: «В этих тяжелых обстоятельствах почетный пост доброго корсиканца — находиться в своей стране» [Napoléon 2004 I, 104]. Окончательный разрыв с Паскуале Паоли, лидером корсиканских сепаратистов, происходит в 1793 г. Их некогда объединяла мечта о независимости острова, но политическое разногласия сделали врагами. Наполеон находится в рядах тех, кого называют противниками «аристократов», кто считает справедливым низвержение «старого порядка», приветствует революцию как путь к свободе. Паоли, напротив, осуждает все происходящее во Франции. Как он говорил Люсьену Бонапарту, «Нужно, чтобы твои братья решили: пусть выбирают между Францией и мною. Но Франции больше нет. Несчастные убивают все, что достойно жизни...они убили своего короля, лучшего из людей» [Bonaparte 1836 I, 21]. Для Наполеона очевидно, что путь паолистов не приведет его народ к свободе. По образному выражению Тьерри Ленца, побуждаемый «...силой вещей и присоединением к идеям Революции, Наполеон избрал Францию» [Lentz 2014, 17]. Но этот выбор не был для Бонапарта отказом от корсиканских корней, а чем-то вроде расширения пространства, связанного с понятием родины. По мнению современной исследовательницы Паскаль Фотрие, Наполеон «...навсегда выбирает свою идентифика-

цию с французской нацией; это не новая "родина", это "универсальная" и абстрактная реальность» [Fautrier 2018, 200].

В период консульства Бонапарт, погрузившись в водоворот военных и политических событий, продолжает уделять внимание и философии. Конечно, его интересует прежде всего политический аспект философии, отнюдь не «чистое знание ради знания». 23 июля 1801 г. первый консул дает распоряжение своему библиотекарю Рипо предоставлять ему регулярный анализ публикаций, способных «повлиять на общественное мнение, особенно относительно религии, философии и политических взглядов» [Napoléon 2004 III, 733]. Вместе с тем, подход Руссо уже не кажется ему надежной теоретической основой политической жизни. Разочарование в идеях прежде восхищавшего его мыслителя приносит с собой общая последовательность революционных событий, равно как и опыт участия в военных походах. Об этом он сам упоминал в беседах с окружающими его политическим деятелями. Как замечает Тьерри Ленц, «Во время визита в Эрменонвиль, в 1802 году, он произнес надгробное слово о своих прежних иллюзиях. Говоря о Руссо, он провозгласил: “Для спокойствия Франции было бы лучше, чтобы этот человек никогда не существовал”» [Lentz 2003, 22]. 12 января 1803 г. Наполеон говорил Редереру: «До шестнадцати лет я бился за Руссо против всех друзей Вольтера. Сегодня все наоборот. В особенности я разочаровался в Руссо после того, как увидел Восток» [Roederer 1942, 95].

В эпоху империи Наполеон, предписывая Антуану Александру Барбье формирование своей походной библиотеки (письмо от 17 июля 1808 г, Байонна), в числе необходимых книг указывает «Исповедь» и «Новую Элоизу» великого женева. Но теория общественного договора давно перестала быть повседневной опорой его суждений, он не чувствует необходимости перечитывать когда-то вдохновлявший его текст. «Из Руссо не следует помещать ни *Эмиля*, ни множества писем, воспоминаний, речей и бесполезных рассуждений» [Napoléon 1858 XVII, 400].

В изгнании, на острове Святой Елены в беседах с немногочисленным окружением Наполеон нередко обращался к наследию Руссо. Как и в период пребывания у власти, он невысоко оценивал перспективы руссоизма в отношении политического будущего. 1 июня 1816 г. он отмечал, что Вольтер и Руссо некогда направляли общественное мнение по своей воле, но подобное положение дел было бы уже невозможно в начале XIX в., прежде всего, в силу «легковесности» общественного мнения истекшего столетия. В августе того же года он «...рассуждал долго и самым занимательным образом о Жан-Жаке, его таланте, его влиянии, его странностях, его бесцельных поступках». В Руссо Наполеон продолжает видеть выдающегося писателя. «Он начал читать *Новую Элоизу*, часто останавливаясь на искусстве и силе рассуждений, на очаровании стиля и выражений; он читал более двух часов» [Las Case 1956 I, 1061, 242].

К моменту прихода к власти для Наполеона теория общественного договора Руссо уже перестала быть вдохновляющим мировоззренческим ориентиром. Одна из центральных ее тем – идея неотчуждаемости и неделимости народного суверенитета, предполагающая, что народ в законодательном отношении «может быть представлен только самим собой», ему в это время отнюдь не близка, равно как и мысль о том, что правитель выступает «простым чиновником» на службе суверену, причем народ имеет право как ограничить его власть, так и вовсе ее отобрать в любое время. Никогда не было у него и намерения устанавливать гражданскую религию в философском духе.

Тем не менее влияние отдельных теоретических установок руссоизма, так или иначе связанных с концепцией общественного договора, на образ мыслей Наполеона можно проследить и в период расцвета его политической деятельности. Прежде всего, идея всенародного референдума как способа легитимации изменений в системе правления, несомненно, навеяна размышлениями над концепцией Руссо. При Наполеоне плебисциты проводились четырежды: по проекту конституции, по сути утверждавшей передачу полноту власти первому консулу; по вопросу о пожизненном консульстве; по наследственной императорской власти; по Дополнительному акту к имперскому законодательству.

Подписание Конкордата также возможно истолковать как своеобразную реализацию идеи Руссо о социальной необходимости религии. Но для Руссо это должна была быть гражданская религия, догматы которой не нуждались в комментариях и толкователях. Наполеон же обращается к католицизму как «религии большинства французов». Вопрос об отношении Наполеона к религии до сих пор остается в высшей степени дискуссионным. Альберт Манфред, к примеру, считал его неверующим: «...он отошел в сторону и быстрым жестом перекрестился. Он не был верующим человеком, и это инстинктивное движение, сохранившееся от детских лет, показывало, как он был взволнован» [Манфред 1980, 432]. Жан-Мари Руар, напротив, видит в поступках Наполеона ясное выражение своеобразной веры: «Он верил в свою звезду. Он говорил об этом как о самой естественной вещи в мире. Откуда, зачастую, его смелость, чувство своей непобедимости... влечение к иррациональному более всего меня поражает в этом позитивном уме... Он вступил в непрерывный диалог с невидимым. Этот мистицизм предохранял его от атеизма, который затрагивал его современников» [Rouart 2012, 13]. Ф. Хейли полагал, что в вопросах веры император был агностиком в духе вольнодумства своей эпохи: «Почти несомненно, что Наполеон не имел определенных идей о самой религии; с этой точки зрения, он был сыном XVIII века и разделял агностицизм “философов”» [Nealeu 1957, 87]. Многие же авторы предпочитают формулировать свою позицию по этому вопросу с изрядной долей осторожности, как, в частности, поступает Тьерри Ленц: «Его вера не должна, между тем, быть смешиваема с тем, что он думает о Церкви и в особенности о политической роли, которую он ей предписывал... Бог для него – интимное дело, и вероятно, он был верующим» [Lentz 2013, 55].

На острове Святой Елены Наполеон, поясняя свое отношение к религии, говорил: «Все свидетельствует о существовании Бога, это несомненно». С доводом о вселенной, подтверждающей бытие Бога, легко мог бы согласиться и Руссо, как и с критикой в адрес священнослужителей: «Почему эти религии обвиняли друг друга, боролись друг с другом, истребляли друг друга? почему это происходило во все времена, повсюду? Потому что люди всегда остаются людьми; потому что священники всегда скатывались к обману и лжи». В политическом отношении религия была важна для Наполеона, поскольку рассматривалась им как опора морали. Руссо полагал, что суверен вправе изгнать как антиобщественное существо из государства всякого, кто отвергает гражданскую религию. Вполне согласуется с позицией Руссо установка Наполеона на исключение всякого противоразумного элемента из сферы вопросов, затрагивающих личную религиозность. «Я очень далек от того, чтобы быть атеистом, конечно; но я не могу верить всему, чему меня учат наперекор моему разуму» [Napoléon 1858 XXXII, 268–269]. Его отношение к религии навсегда сохранило следы влияния классиков просветительской философии, прежде всего Руссо и Вольтера.

Руссо, рассуждая о пути отыскания правил практического поведения человека, призванных помочь людям выполнить свое назначение в жизни, на первый план выдвигал принцип «сердца», внутреннего голоса души, отождествляемого с совестью. «Следуя всегда моему методу, я вовсе не извлекаю этих правил из принципов высокой философии, но я их нахожу в глубине моего сердца, записанными природой неизгладимыми знаками» [Rousseau 1959–1995 IV, 594]. В то время как разум может заблуждаться, совесть «не обманывает нас никогда», именно она подсказывает, что следует считать добром и злом. Совесть – своего рода врожденное чувство справедливости, основа добродетели. К внутреннему голосу, сердцу человека восходит истинная религия, ибо «истинный культ – это культ сердца».

Присутствие, своеобразное преломление концепции сердца знаменитого просветителя в мышлении Наполеона можно обнаружить как в эпоху Революции, так и позднее, в период империи. В августе 1794 он писал: «Люди могут быть несправедливы ко мне, мой дорогой Жюно, но достаточно быть невинным; мое сознание – тот трибунал, которому я передаю на суд мое поведение. Это сознание спокойно, когда я его вопрошаю» [Napoléon 2004 I, 197]. В минуту опасности он, не колеблясь, призывает в главные свидетели внутреннее чувство справедливости. 20 декабря 1812 г., выступая перед государственным советом, он связывает все несчастья «прекрасной

Франции» с «туманной метафизикой», провозгласившей обязанностью принцип восстания и объявившей народ сувереном, хотя тот и был неспособен его реализовать. Тем самым он категорически отвергает важнейшие положения учения Руссо. Но при этом он ссылается на прочно укоренившийся в его сознании принцип сердца, характеризуя свои представления об основах государственного управления. Ложная метафизика, по его мысли, «...с тонкостью отыскивая первые причины, желает на этих основах создать законодательство народов, вместо того чтобы приспособить законы к познанию человеческого сердца и урокам истории» [Napoléon 1858 XXIV, 343]. Сердце, таким образом, в его понимании выступает основой социальной справедливости, наряду с проверенными временем институтами.

Отказывая социальной философии Руссо в праве на будущее, Наполеон, таким образом, все же продолжает оперировать отдельными его концептами, находить опору в некоторых его идеях, без колебаний используя их в политических целях. Хотя общее отношение Наполеона к руссоизму претерпевает серьезную трансформацию, тем не менее, значительный смысловой пласт, воспринятый благодаря изучению трудов великого женева, продолжает жить в его мышлении.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Руссо 1961 – *Руссо Ж.Ж.* Избранные сочинения. М.: ГИХЛ, 1961. Т. I –III (Rousseau, Jean-Jacques, *Selected Works*, Russian Translation).

Руссо 1998 – *Руссо Ж.Ж.* Об общественном договоре. Трактаты. М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998 (Rousseau, Jean-Jacques, *Du contrat social*, Russian Translation).

Bonaparte, Lucien (1836) *Mémoires*, Т. 1–3, Ad. Wahlen, Bruxelles.

Bonaparte, Joseph (1853–1854) *Mémoires et correspondance politique et militaire*, Т. I–X. Perrotin, Paris.

Napoléon Bonaparte (2001). *Oeuvres littéraires et écrits militaires*, Т. 1–3, Claude Tchou, Paris.

Napoléon Bonaparte (2004–2018) *Correspondance générale*, Т. I–XV, Fayard, Paris.

Napoléon I (1858–1869) *Correspondance. Publ. par ordre de l'empereur Napoléon III*, Т. I–XXXII, Plon, Paris.

Rousseau, Jean-Jacques (1959–1995) *Oeuvres complètes*, Т. I–V, Gallimard, Paris.

Rousseau, Jean-Jacques (2018). *Affaire de Corse*, Vrin, Paris.

Ссылки – References in Russian

Манфред 1980 – *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1980.

Тарле 2012 – *Тарле Е.В.* Наполеон. СПб.: Азбука, 2012.

Voprosy filosofii. 2019. Vol. 6. P. 177–186

Napoleon and Rousseau's Theory of Social Contract

Artem A. Krotov

In the article the influence of Rousseau's political conception on Napoleon's attitude is analyzed. In youth, in period of garrison service in Valence, in the sketch of history of Corsica Napoleon was guided by the theory of the social contract, then he defended it in polemic with Roustan. In 1791 Napoleon, without rejecting the theory of Genevan, expressed critical remarks to his doctrine about the natural human. By the time of Napoleon's coming to power, Rousseau's theory of social contract had already stopped being an inspiring world outlook reference for him. Nevertheless, the impact of separate installations of Rousseau's theory on Napoleon's views could be tracked also during blossoming of his political activity, first, the idea of a nationwide referendum as a way of legitimization of changes in the system of rule. It is also possible to interpret the signing of the Concordat as a peculiar realization of Rousseau's idea of social need of religion. Presence and peculiar refraction of the concept of "heart" of the famous Enlightener in Napoleon's thinking could be found both during the Revolution epoch and in Empire period. Refusing to Rousseau's social philosophy in its availability for the future, Napoleon nevertheless continued to operate with his separate concepts, he found a support in some of his ideas, without hesitation using them in political goals.

KEY WORDS: Rousseau, Napoleon, theory of the social contract, philosophy of the Age of Enlightenment, history of French philosophy.

KROTOV Artem A. – Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, 27/4, Lomonosovsky av. GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.

DSc in philosophy, professor, faculty of philosophy, Lomonosov Moscow State University

krotov@philos.msu.ru

Received on February 27, 2019

Citation: Krotov, Artem A. (2019) “Napoleon and Rousseau’s Theory of Social Contract”, *Voprosy filosofii*, Vol. 6 (2019), pp. 177–186.

DOI: 10.31857/S004287440005352-2

References

- Boudon, Jaques-Olivier (2000) *Histoire du Consulat et de l'Empire. 1799–1815*, Perrin, Paris.
- Cabanis José (1994) *Le Sacre de Napoléon*, Gallimard, Paris.
- Calvet, Henri (1969) *Napoléon*, PUF, Paris.
- Chuquet, Artur (1898–1899) *La jeunesse de Napoléon*, T. I–III, Armand Colin, Paris.
- Fautrier, Pascale (2018) *Napoléon Bonaparte*, Gallimard, Paris.
- Godechot, Jacques (1969) *Napoléon*, Albin Michel, Paris.
- Gueniffey, Patrice (2013) *Bonaparte. 1769–1802*, Gallimard, Paris.
- Healey, Frank G. (1957) *Rousseau et Napoléon*, Droz–Minard, Genève–Paris.
- Las Case, Emmanuel (1956) *Le mémorial de Sainte-Hélène*, T. I–II, Gallimard, Paris.
- Lefebvre, Georges (1953) *Napoléon*, PUF, Paris.
- Lentz, Thierry (2003) *Napoléon*, PUF, Paris.
- Lentz Thierry (2013) *100 questions sur Napoléon*, La Boétie, Paris.
- Lentz Thierry (2014) *Napoléon. «Mon ambition était grande»*, Gallimard, Paris.
- Madelin, Louis (2003) *Histoire du consulat et de l'empire*, T. 1–4, Robert Laffont, Paris.
- Manfred, Albert (1980) *Napoléon Bonaparte*, Mysl, Moscow (in Russian).
- Masson, Frederic et Biagi, Guido (1895). *Napoléon inconnu. Papiers inédits (1786–1793), accompagnés de notes sur la jeunesse de Napoléon*, T. I–II, Ollendorff, Paris.
- Roederer, Pierre-Louis (1942) *Bonaparte me disait...*, Horizons de France, Paris.
- Rouart, Jean-Marie (2012) *Napoléon ou La destinée*, Gallimard, Paris.
- Tarle, Eugene (2012) *Napoléon*, Azbuka, Saint Petersburg (in Russian).
- Tulard, Jean (2006) *Napoléon. Les grands moments d'un destin*, Fayard, Paris.